



принадлежащих к разным этносам или формирующихся в этнической среде, к которой не принадлежат их родители. Не является редкостью определенное «равновесие» между осознанием принадлежности к этносу или субэтносу.

Невозможно представить этнос без определенного этнонима – названия этноса, которое воспринимается всеми или большинством представителей данного этноса. Однако и этот фактор не всегда востребован. Так, самоназвание грузин – картвели, однако в узком смысле картвели – это этноним лишь части грузин – картлийцев, но не гурийцев, хевсуров, мингрельцев и т. д. В данном случае этноним одного субэтноса стал этнонимом всего этноса (или становится таковым). Невозможно игнорировать тот факт, что самоназвание этноса часто не совпадает с названиями, которыми его наделяют другие этносы. Самоназвание грузин – картвели, но русские именуют их грузинами, осетины – гуырдзиаг, англичане – georgians и т. д.

В любом случае этнос невозможно определить через перечень объективных и субъективных факторов, какими бы существенными они ни представлялись. Такая попытка означает надевание «смирительной рубашки» на процесс этногенеза и на сами этнонации. С содержательной точки зрения формирование любого этноса уникально и неповторимо. В то же время уникальность и неповторимость не исключает, а предполагает выявление того типичного, характерного, что присуще всем или большинству этносов.

УДК 316.334+929.5

П. А. ФЛОРЕНСКИЙ О ЗНАЧЕНИИ ГЕНЕАЛОГИИ В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

В. А. Климов

Саратовский государственный университет
E-mail: Klimov-VA1946@mail.ru

В статье рассматриваются взгляды П. А. Флоренского (1882–1937) на роль генеалогии в жизни общества. Особое внимание уделяется воспитательной функции генеалогии.

Ключевые слова: П. А. Флоренский, генеалогия, традиция, семья, воспитание.

P. A. Florensky on the Importance of Genealogy in Social Life

V. A. Klimov

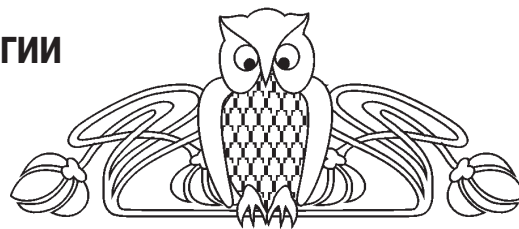
The article deals with P. A. Florensky's (1882–1937) views on the role of genealogy in society. The educative function of genealogy is paid peculiar attention.

Key words: P. A. Florensky, genealogy, tradition, family, upbringing and education.

Начало XX в. в России – это эпоха необычайного духовного подъема, творческих исканий

Примечания

- ¹ Рыбаков С. Е. *Философия этноса*. М., 2001.
- ² Чебоксаров Н. Н. *Национальная политика в императорской России. Цивилизованные окраины*. М., 1997. С. 29.
- ³ Рыбаков С. Е. *Этничность и этнос // Этнографическое обозрение*. 2003. № 3. С. 20.
- ⁴ Тишков В. А. *Реквием по этносу*. М., 2003. С. 60.
- ⁵ Сорокин П. А. *Человек. Цивилизация, общество*. М., 1992. С. 245.
- ⁶ Там же. С. 248.
- ⁷ Там же. С. 247.
- ⁸ Павлычко Д. *Государственный язык и духовное творчество народа // Дружба народов*. 1989. № 6. С. 222.
- ⁹ Сталин И. В. *Соч.* : в 16 т. Т. 2. М., 1954. С. 296.
- ¹⁰ Там же. С. 301.
- ¹¹ Ступишин В. П. *Самоопределение народов : традиции и действующее право // Общественные науки и современность*. 1994. № 2. С. 110.
- ¹² Здравомыслов А. Г. *Трансформация смыслов в национальном дискурсе // Язык и этнический конфликт / под ред. М. Б. Олкотт, И. Семенова ; Московский центр Карнеги*. М., 2001. С. 41.
- ¹³ Семенов Ю. И. *Торопиться с зауспокойной молитвой по этносу вряд ли стоит // Философия и общество*. 2006. № 2. С. 101.
- ¹⁴ Тишков В. А. *О культурном многообразии // Этнографическое обозрение*. 2005. № 1. С. 5.
- ¹⁵ Семенов Ю. И. *Указ. соч.* С. 100.



и открытый в философии, литературе, искусстве. Н. А. Бердяев с полным основанием назвал эту эпоху «настоящим культурным ренессансом». «Только жившие в это время, – писал он, – знают, какой творческий подъем был у нас пережит, какое веяние духа охватило русские души. Россия пережила расцвет поэзии и философии, пережила напряженные религиозные искания, мистические и оккультные настроения»¹. Все эти веяния и настроения отразились в творчестве Павла Александровича Флоренского (1882–1937) – ученого, философа, священнослужителя.

Личность Флоренского, писал историк русской философии Н. О. Лосский, поражает разнообразием дарований. В своей творческой деятельности Флоренский «проявляет сверхчеловеческую эрудицию: не только в области богословия и философии он у себя дома; на помощь



своему философствованию он привлекает знания и литературу из самых разнообразных областей – медицины, психо-патологии, фольклора; но особенно охотно он обращается к лингвистике...»². Кроме того, Флоренский – поэт-символист, друг Андрея Белого, автор сборника стихов; искусствовед, тонкий знаток живописи и музыки; выдающийся математик, физик, астроном, инженер-изобретатель, внесший немалый вклад в электрификацию России.

Но была еще одна сфера социального знания, особая сфера, в которой органично совмещались и научные интересы, и личные, интимные устремления, переживания ученого. Это – генеалогия, в которой Флоренский видел на сухую и скучную дисциплину, а интересную, творческую, перспективную науку, открывающую огромные возможности для более глубокого познания человека и человеческой истории.

Сущность и значение генеалогических идей Флоренского еще недостаточно раскрыты в работах, посвященных анализу его творческого наследия. Между тем эти идеи, безусловно, являются органической частью мировоззрения ученого, гармонично вписываются в систему его философских, исторических и социологических взглядов. Умственный взор философа был всегда обращен к традиционным ценностям, к глубинным основам исторической жизни народа. В связи с этим можно привести мнение видного русского философа В. В. Зеньковского, который отмечал преклонение Флоренского перед «цельной жизнью» народа, его последовательное обращение к опыту «цельной народной души»³. Стремление постигнуть сущность души народа и его исторического бытия сближало взгляды Флоренского со взглядами одного из выдающихся мыслителей начала XX в. – В. В. Розанова. В письме Розанову (26 окт. 1915 г.) Флоренский так определяет общие черты их творческих исканий: «Наше сходство: это острая, до боли, любовь к конкретному, к сочному, и, скажу определенно, к *корню* – к корню личности, истории, бытия, знания... И отсюда – органическая же нелюбовь ко всему, что бескоренно, что корни подъедает, что хочет расти не на корне, а “само по себе”»⁴.

Таким образом, здесь речь идет не просто о научном интересе, но и об особом состоянии души мыслителя, уму и сердцу которого была близка и дорога та «корневая основа» народной культуры, та глубина народной души, которая обозначается понятием «традиция». Именно генеалогия является типичной, показательной формой традиции, воплощающей неумирающую память о предках. Трудно найти другую форму исторической памяти, которая так же глубоко и полно отражает органическую связь прошлого и настоящего, присутствие прошлого в жизни современного человека, как генеалогия.

Проблема сохранения исторической памяти актуализируется в эпохи общественных пере-

мен. Это ясно осознавал Флоренский. «Мы живем в такое время и среди такой полосы назревающих событий, – писал он в 1919 г., – когда с охранением памяти прошлого воистину надо быть на страже»⁵.

Обращение Флоренского к генеалогии объясняется прежде всего заботой о сохранении культурного наследия. Но не только. Были и личные мотивы, которые побудили его заняться генеалогическими изысканиями – столь далекими, казалось бы, от его научных и философских интересов. Увлечение генеалогией пришло к Флоренскому на определенном этапе его жизненного пути. Объясняется оно особенностями его воспитания и духовного развития. Его детство прошло в обстановке религиозной индифферентности и почти полной отрешенности от родового прошлого. Родители Флоренского были типичными представителями разночинной интеллигенции XIX в. В семейной атмосфере царили трудолюбие, моральная чистота, высокие культурные запросы, скромность в материальных потребностях, отвращение к «условностям», показной мишуре и фальшивому блеску. Но это была семья без родословной, ветвь, оторванная от генеалогического древа. Обобщая свои детские впечатления, Флоренский писал: «Наша жизнь была жизнью “в себе”, хотя едва ли “для себя”, – существованием, отрезанным от общественной среды и от прошлого. И в пространстве и во времени были мы “новым родом”, новым поколением – сами по себе... Мы, дети, почти не знали прошлого своей семьи, не говоря уже о нашем роде. На настоящее и, главным образом, на будущее смотрели глаза моих родителей. А прошлое... прошлое теоретически отрицалось, фактически не было известно или почти не было известно... Отец мой и мать моя выпали из своих родов: и понятно, что нить живого предания выпала из рук их, а отчасти и была просто выпущена...»⁶. Флоренский подчеркивал, что не может в этом обвинять своих родителей: они по-своему были «подвижниками и праведниками», но их сознание таило в себе «яд нигилизма», воспринятый из окружающей среды в годы их молодости. «Была такая ужасная полоса русской истории, – писал он, – и сколько душ искалечено ею, сколько чистых сердец сделалось несчастными и бесприютными!»⁷

Речь идет о 60–70-х гг. XIX в. – эпохе стремительного обновления всех сфер жизни, великих (объективно необходимых!) реформ и в то же время – эпохе, положившей начало катастрофическому разрыву исторической традиции, отрицанию многих важнейших традиционных ценностей. В. О. Ключевский рассматривал эту эпоху как «первый антиисторический момент в русском общественном сознании...»⁸. Не случайно знаковым явлением эпохи стал конфликт «отцов и детей», отраженный в знаменитом романе Тургенева. «Героем» этого времени стал



нигилист Базаров, беспощадно осуждавший и отвергавший духовный и нравственный опыт предшествующих поколений. Флоренский так оценивал амбициозные устремления людей, подобных Базарову: «Они тогда знать не хотели ничего, кроме себя... Все хотели – не принять как дар Божий, а создать... Думалось лишь об одном, как из себя все заново построить... Поэтому отцов они, семидесятники, не признавали... Сами они хотели быть отцами. Но они не умели и не желали быть сынами. Сами себе они были и отцами, и царями, и богами»⁹. Эта оценка показывает отношение Флоренского к претензиям радикальной части русской интеллигенции писать историю «с чистого листа», отвергая и искореняя традиционные ценности.

По мере взросления Флоренский все глубже осознавал, что «жить с пустотою в прошлом скучно и некультурно»¹⁰. В его душе рождалось стремление преодолеть отчужденность от родовых корней. Впоследствии он писал о своих мыслях и переживаниях в тот период: «Быть без чувства живой связи с дедами и прадедами – это значит не иметь себе точек опоры в истории. А мне хотелось бы быть в состоянии точно определить себе, что именно делал я и где именно находился я в каждый из исторических моментов нашей родины и всего мира – я, конечно, в лице своих предков. Этого-то знания я лишен был, хотя всегда чувствовал, сам не знаю почему, что род наш очень древний и что возможность такого исторического самоопределения для нас, Флоренских, не исключена по существу»¹¹.

В дореволюционной России практически каждый дворянин знал свою родословную и мог подтвердить ее документально. Дворянские усадьбы с их библиотеками и архивами, переходящими от отца к сыну, с портретами предков на стенах, хранили в себе эту память о прошлом. Ничего этого не было в семье разночинцев Флоренских. Поиск сведений о родовых связях приходилось начинать с нуля. Флоренский собирал их путем расспросов, архивных и книжных разысканий. «Эти знания мои, – писал он, – не были знаниями, всосанными с молоком матери, не были жизненными, навек неотделимым от ума моего впечатлением, но были археологической реставрацией прошлого, научной работой, подобной всякой другой научной работе»¹².

Поражает тот энтузиазм, с которым молодой Флоренский погрузился в генеалогические изыскания. На протяжении четверти века, вплоть до своего ареста и ссылки в 1933 г., наряду со своими богословными, философскими и научно-техническими исследованиями, он занимается упорной и настойчивой работой по восстановлению прошлого своего рода. В 1915 г. Флоренский пишет Розанову: «Я копаюсь, копаюсь, можно сказать, в вещах, которые никогда не будут достоянием печати и самое большее будут сообщены друзьям. Копаюсь в *роде* своем. Собираю

имена предков, устанавливаю соотношение ветвей рода, с любовью вглядываюсь в то немногое, что можно узнать о каждом имени в отдельности; это стоит больших усилий, непрестанной переписки, перелистывания десятков томов и папок, расспросов, поездок даже. Найти какой-нибудь год или имя – целое открытие; получить документ или выписку – большая радость»¹³.

Мы видим, что Флоренский отдавался трудной работе по сбору и систематизации генеалогических сведений с подлинной страстью, считая это своей важнейшей жизненной задачей. В 1919 г. он писал своей тетке З. И. Флоренской-Струковской: «Не любопытство говорит во мне, когда спрашиваю я вас, и когда хочется мне запечатлеть каждую малейшую черточку прошлого, столь для меня утерянного. Нет – это чувство ответственности перед будущим, исполнение долга и почтение к прошлому, исполнение заповеди о почитании предков. И мне мучительно, знаете – как бывает мучительно и тоскливо до тошноты, мучительно думать, как утеривались и утериваются сведения о нашем прошлом, наши портреты, наши документы <...> Мне дорог всякий клочок, всякая строчка, ибо и малое бросает иногда неожиданный свет на самое важное, да наконец просто дороги и милы самые мелочи»¹⁴. Флоренский остро переживает потерю семейных документов – ведь в них «жизнь, жизнь прошлого, дорогого, последние материальные следы его на земле, и думать о гибели таких следов, и притом гибели по моей беспечности или вялости – мне почти как думать о гибели дорогих людей, прямо нож острый»¹⁵.

Следует подчеркнуть, что интересы Флоренского не ограничивались лишь историей его семьи. Он поставил перед собой масштабную задачу: восстановить генеалогию всего рода Флоренских, собрать как можно больше сведений об их родственных связях. Решение этой задачи в полном объеме по силам, пожалуй, целому коллективу исследователей. Но Флоренский и в одиночку сумел достигнуть определенных результатов. Ему удалось выяснить, что Флоренские, которые первоначально именовались Флоринскими или Флиоринскими, появились в Малороссии в XVIII в. и затем разделились на несколько ветвей, потерявших связь друг с другом. И ученый пытался выяснить, в каком соотношении между собой находятся отдельные ветви рода, как его представители попали в Слободскую Украину, потом переселились далее – на север, причем одни ветви стали светскими, другие – духовными. Особенно ревностно Флоренский восстанавливал костромскую линию своих пращуров, настойчиво искал сведения об их родственных связях с семействами Соловьевых, Ушаковых, Ивановых, Сапаровых и др. Он находил среди своих предков и родственников, близких и дальних, людей разных сословий, характеров, судеб. В родословной у него, отмечал



Флоренский в письме В. В. Розанову, «пестрота невероятная, начиная от мещан и до графов Разумовских, бывших почти на престоле, от бедных дьячков и до знаменитого епископа, от забытых судьбою сирот и до владетельных царьков... Однако костромские дьячки одни только всецело привлекают мое внимание, и сердцем я именно с ними»¹⁶.

Таким образом, продвигаясь по пути генеалогических изысканий, Флоренский все более последовательно выдвигал на первый план понятие «род», рассматривая его как «основную историческую категорию»¹⁷. Он видел в нем целостный, динамичный общественный элемент, история которого не сводится к истории отдельных семей и ветвей. Принципиальное значение имеет тезис Флоренского: «Род – целое, а не сумма последовательных поколений»¹⁸. Структура рода представляет «сложную мозаику». По законам генетики, отмечал Флоренский, комплекс наследственных качеств передается от родителей к детям, усложняясь с каждым новым поколением. «Но генеалогия имеет в виду нечто большее – не только биологическую наследственность, но и всю сумму качеств, унаследованных от предков, будь то путем биологическим, или педагогическим, или нравственным, духовным и т. д. У каждого рода есть свои привычки, свои традиции, свои нравственные особенности, свои вкусы, своя нить культуры, связи с историей...»¹⁹ Эти характерные родовые черты, утверждает Флоренский, «властными и бессознательно воспринимаемыми штрихами» определяют душу каждого члена рода и своеобразно проявляются в каждом поколении.

Поиск своих родовых корней, изучение истории предков – это, по мысли Флоренского, самые надежные пути самопознания личности, а следовательно – нравственного роста и самосовершенствования человека. В своих философских трудах, в письмах из Соловецкого лагеря он настойчиво подчеркивал воспитательное значение генеалогии. Эту проблему он затрагивал и в одной из лекций, прочитанных в Московской духовной академии в 1916–1917 учебном году. «Почему надо заниматься генеалогией?» – ставит вопрос Флоренский. И отвечает: «Чувство связи с родом, долг перед предками, перед родителями, обязывает знать их, а не отворачиваться. Последнее и есть *хамство* – “знать вас не знаю, как родителей, предков”...»²⁰. Знание своей генеалогии дает возможность человеку чувствовать себя не затерявшимся в мире, пустом и холодном, не быть бесприютным, безродным, иметь точки опоры, знать свое место в мире. «Надо чувствовать за собою прошлое, культуру, род, родину, – говорил Флоренский. – У кого нет рода, у того нет и Родины и народа. Без генеалогии нет патриотизма... Чем больше связей, чем глубже вросла душа в прошлое, чем богаче она обертонами, тем она культурнее...»²¹

Флоренский говорил о культурном значении генеалогической традиции накануне «великих потрясений», коренным образом изменивших жизнь страны. И сам Флоренский, и его слушатели вскоре стали свидетелями воплощения в жизнь нигилистических идей, разработанных бунтарями и анархистами XIX в. Лозунг построения нового «справедливого» общества обернулся беспощадным искоренением национальных традиций. Настойчивая борьба с «духовным наследием царизма», последовательная дискредитация «старорежимной морали» – все это неизбежно разрушало историческое сознание народа. Выросли поколения людей, в сознании которых история оказалась сплошь усеянной белыми пятнами. Особенно это касалось истории рода, семьи. Многие люди сейчас ничего не знают о жизни и делах своих предков, некоторые не могут вспомнить имена своих прадедов. Поэтому в современных условиях особенно актуален призыв Флоренского: «Жизненная задача всякого – познать строение и форму своего рода, его задачу, закон его роста, критические точки, соотношение отдельных ветвей и их частные задачи, а на фоне всего этого – познать собственное свое место в роде и собственную свою задачу, не индивидуальную свою, поставленную себе, а свою – как члена рода, как органа высшего целого. Только при этом родовом самопознании возможно сознательное отношение к жизни своего народа и к истории человечества...»²²

П. А. Флоренскому не удалось полностью воплотить в жизнь свои замыслы в сфере генеалогических исследований, но то, что он успел сделать, имеет непреходящую научную и духовно-нравственную ценность. Он разработал новые методологические подходы, раскрывающие этический, воспитательный потенциал генеалогического знания. Умелое, творческое использование этого потенциала – эффективный способ противодействия «атомизации» общества, обезличиванию и распаду человеческих связей. Генеалогическая традиция, о значении которой так ярко и вдохновенно говорил великий мыслитель, относится к числу тех ценностей, которые не подлежат переоценке и поэтому помогают человеку XXI в. обрести нравственную и социальную опору в полном тревог и конфликтов современном мире.

Примечания

- ¹ О России и русской философской культуре: Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990. С. 237
- ² Лосский Н. О. История русской философии. М., 1994. С. 190, 193
- ³ Зеньковский В. В. История русской философии: в 2 т. Т. 2, ч. 2. Л., 1991. С. 185–186.



- ⁴ Флоренский Павел, священник. Детям моим. Воспоминания прошлых дней. Генеалогические исследования. Из соловецких писем. Завещание. М., 1992. С. 280.
- ⁵ Там же. С. 11–12.
- ⁶ Там же. С. 25–26.
- ⁷ Там же. С. 26.
- ⁸ Ключевский В. О. Избранные произведения. М., 1983. С. 182.
- ⁹ Флоренский Павел, священник. Детям моим... С. 323.
- ¹⁰ Там же. С. 437.
- ¹¹ Там же. С. 26.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же. С. 281–282.
- ¹⁴ Там же. С. 11–12.
- ¹⁵ Там же. С. 12.
- ¹⁶ Там же. С. 282.
- ¹⁷ Там же. С. 120.
- ¹⁸ Там же. С. 419.
- ¹⁹ Флоренский П. А., священник. Соч. : в 4 т. Т. 3(2). М., 1999. С. 35.
- ²⁰ Там же. С. 29.
- ²¹ Там же.
- ²² Флоренский П. А. Время и пространство // Социс. 1988. № 1. С. 113.

УДК 316.3

ОСНОВАНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Н. Ю. Кравченко

Саратовский государственный университет
E-mail: kravchenko.n@gmail.com

В статье анализируются различные процессы формирования гражданской идентичности в Средние века. Выявляется специфика средневековой западно-европейской гражданской идентичности на основании триады: «рациональное», «психическое» и «телесное».

Ключевые слова: западно-европейская гражданская идентичность, средневековый индивид.

Bases of Medieval West European Civil Identity

N. U. Kravchenko

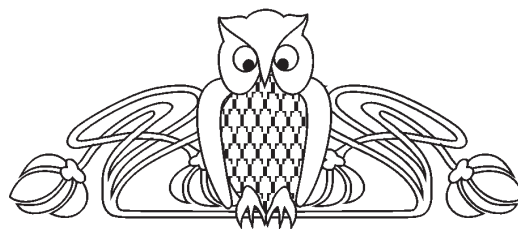
In this article author analyses different process of civil identity forming in the Middle ages. In the article specifics come to light of the Medieval West European Civil Identity. It is conducted on the «rational», «psychological», «bodily» triad basis.

Key words: West European civil identity, medieval individual.

Традиционно Средневековьем считают период с V по XV в. Окончательно же средневековое мировоззрение уходит в прошлое только после Реформации (конец XV – XVII в.).

Раннее Средневековье (время варварских королевств) – это время отсутствия стабильности, государственной власти, постоянных набегов, эпидемий, делавших жизнь человека крайне тяжелой и опасной. Главным очагом стабильности, культуры, надежды в этих условиях стала церковь, объединявшая людей. Именно в этот период зарождается и противостояние церкви и государству, характерное для эпохи Средних веков.

В раннесредневековых государствах (примерно V–IX вв.) общественные связи, будучи прежде всего межличностными, носили главным образом природный, органический и патриар-



хальный характер и включали в себя племенные, родовые, семейные связи, отношения между родственниками и т. п. Поведение же индивидов в варварских обществах полностью определялось их принадлежностью к социальному разряду или общественному слою.

При этом, как отмечает А. Я. Гуревич, становление индивидуальности на протяжении Средних веков шло не «эволюционно-плавно», а «толчками, с прорывами вперед и отступлениями»¹.

В средневековой правовой концепции права индивида определялись его заслугами и занимаемым местом, а положение основывалось на его службе. Во главе иерархической лестницы стоял Богом установленный монарх. Основой средневекового права было не согласие, а послушание и верность граждан. Этику полисной государственности античных цивилизаций сменила феодальная этика личного служения. По выражению французского медиевиста Ле Гоффа, «античный человек должен был быть справедливым, средневековый же верным»².

Феодальное общество являлось, прежде всего, сословным, жестко иерархичным обществом, а специфической чертой социального уклада было осознание неизбежности иерархии.

Однако для средневековой эпохи, изобиловавшей многочисленными социальными катаклизмами, нужны были более мощные естественные регуляторы психологической стабильности, новые способы эмоциональной разрядки, избавления от ощущений страха, вины и пр. В Западной Европе таким регулятором стало христианство. Римская католическая церковь во главе с Папой противопоставила свою строгую централизованную систему контроля над умами и душами людей разрозненному феодальному госу-